

(Зло)употребление

ЛЕО ШТРАУС И ЕГО РОЛЬ В РЕАНИМАЦИИ ШМИТТА НЕМЕЦКИМИ ПРАВЫМИ. СЛУЧАЙ ХАЙНРИХА МАЙЕРА

РОБЕРТ ХОУЗ

ВВЕДЕНИЕ

ВОЗРОЖДЕНИЕ интереса к Шмитту вызвало к жизни целый спектр его интерпретаций, и правых, и левых, а также множество мнений по поводу связи нацизма и антисемитизма Шмитта с его политическими идеями. Хайнрих Майер занимает особое место в шмиттианском каноне. До академического исследования Шмитта он работал в Фонде Карла Сименса над «биосоциализмом» — формой социал-дарвинизма, поддерживающей тезис о «естественном» неравенстве людей (и предоставляющей при этом делать расистские выводы другим). Это был один из множества интересов Армина Мёлера, в то время директора фонда и наставника Майера, который в итоге стал его преемником: Мёлера часто считают центральной интеллектуальной фигурой крайне правых в послевоенной Германии (одну из своих многочисленных работ он посвятил ревизионизму холокоста [*Der Nasenring*])¹.

Обратившись к изучению Шмитта, Майер нашел уникальный ракурс для своих академических штудий, которым пренебрегало правое крыло возрождавших Шмитта: его отношение к еврейскому мыслителю Лео Штраусу, навсегда оставившему Германию незадолго до прихода к власти нацистов. Тот факт, что великий Штраус, почтительный ученик Маймонида и своих античных учителей, воспринимал Шмитта всерьез и даже разделял его неприязнь к буржуазному либерализму, мог бы помочь в деле восстановления респектабельности Шмитта и отведения

1. Mohler A. *Der Nasenring: Im Dickicht der Vergangenheitsbewältigung*. Essen: Verlag Heitz & Hoefkes, 1989.

подозрений в антисемитизме. До Майера Стефан Холмс, либеральный политический теоретик, указывал на некоторые замечания Штрауса по поводу Шмитта, датирующиеся 1930 годом, как на свидетельство того, что Штраус в своей враждебности к либерализму превзошел даже нацистского мыслителя Шмитта. Как показали Берковиц², Бейнгар³ и автор этих строк⁴, это неточное прочтение идей Штрауса даже на том этапе его карьеры. Талант Майера, однако, заключался в том, чтобы увидеть в этом недоверии к Штраусу как фанатичному антилибералу *доверие* к Шмитту. Майер полностью (и в весьма положительном ключе) переосмыслил Шмитта на основе написанного Штраусом в 1932 году короткого эссе о нем, нескольких писем и заметок на полях, обнаруживающих, по его мнению, «диалог» между двумя мыслителями.

В 1988 году Майер опубликовал книгу «Карл Шмитт, Лео Штраус и „Понятие политического“. О диалоге отсутствующих»⁵ (далее — Диалог), состоящую из перепечатки работы Штрауса, посвященной «Понятию политического» Шмитта, пары писем Штрауса Шмитту начала 1930-х и комментария самого Майера к этому материалу. В английском издании подзаголовки перевели как «скрытый диалог» — при особом внимании Штрауса в своих работах к эзотерическим или скрытым философским связям⁶ получалось, будто бы он всю жизнь состоял в тайной философской дружбе со Шмиттом. Оригинальный подзаголовок, отсылающий к дружбе отсутствующих, не так обманчив, по крайней мере если помнить о дистанции между ними: Шмитт был нацистским чиновником, а Штраус — евреем, очевидно не имевшим возможности вернуться в нацистскую Германию.

Книга Майера имела большой успех там, где, казалось, он был маловероятен, — среди ортодоксальных американских студентов Лео Штрауса, многие из которых были евреями. Несмотря на прохладное отношение к ассоциации Штрауса с крайним

2. Berkowitz P. *Liberal Zealotry. A Review of «The Anatomy of Antiliberalism» by Stephen Holmes* // *Yale Law Journal*. 1994. Vol. 103. № 5. P. 1363–1382.
3. Behnegar N. *The Liberal Politics of Leo Strauss* // *Political Philosophy and the Human Soul: Essays in Memory of Allan Bloom* / M. Palmer, T. L. Pangle (Eds.). Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1995. P. 259 ff.
4. Howse R. *From Legitimacy to Dictatorship and Back Again: Leo Strauss's Critique of the Anti-Liberalism of Carl Schmitt* // *Law as Politics: Carl Schmitt's Critique of Liberalism* / D. Dyzenhaus (Ed.). Durham, NC: Duke University Press, 1998. P. 56–90.
5. Майер Х. *Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического»*. О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. А. В. Михайловского. М.: Скимень, 2012.
6. Систематическое исследование этого противоречивого и сложного аспекта мышления Штрауса см. в: Howse R. *Reading Between the Lines: Exotericism, Esotericism, and the Philosophical Rhetoric of Leo Strauss* // *Philosophy and Rhetoric*. 1999. Vol. 32. № 2. P. 60–77.

протофашизмом и антилиберализмом у Стефана Холмса, штраузианцы были пленены Майером, признававшимся ими не только безусловным авторитетом по части Шмитта, но и точным интерпретатором самого Штрауса. Харви С. Мэнсфилд-старший назвал Майера «тонким и пронизательным мыслителем с немолимой решимостью добираться до сути дела». Марк Лилла, в своей последней книге «Безрассудные интеллектуалы» полемизирующий с заигрываниями современных интеллектуалов с тиранией, завершает ее обращением не к кому иному, как к Карлу Шмитту, — под обаянием интерпретации Майера.

Успех немецкого издания томика о Штраусе и Шмитте, вероятно, вдохновил Майера написать гораздо более обширную книгу «Учение Карла Шмитта»⁷, опубликованную в Германии в 1994 году, а в английском переводе — в 1998 году⁸ и посвященную всей интеллектуальной карьере Шмитта. С выходом этой книги даже некоторые из наиболее заметных немецких учеников Шмитта вроде Эрнста-Вольфганга Бёкенфёрде, бывшего судьи Конституционного суда, решились заявить (как в случае последнего), что для принятия майеровской интерпретации Шмитта есть веские причины.

Ключевая идея интерпретации Майера заключается в том, что движущей силой мысли Шмитта была вера — повинование Откровению. Именно с этой точки зрения должны быть представлены все ключевые различия шмиттовской теории права и политики, особенно понятие антагонизма «друг-враг», центрального для «политического». Но хотя вера и была для Шмитта основанием выбора стороны и занятия интеллектуальных и политических позиций, сами действительные решения могут быть объяснены только конкретным историческим моментом, ведь, несмотря на то что вера движет действиями и решениями, последние не определяются этим и должны приниматься единственно волей решающего. Иными словами, Шмитту не было приказано Богом служить Гитлеру и ненавидеть евреев, но ему *было* приказано то, что (в исторической ситуации, как он ее видел) способствовало «вражде», поддерживавшей «политическое» как таковое. «Великие политические формы и гештальты, государство, рейх или партизан, могут соответствовать или не отвечать „единственному в своем роде“ историческому „вызову“, они могут терпеть крушение или учреждать порядки для известного времени, для сво-

7. Meier H. Die Lehre Carl Schmitts — Vier Kapitel zur Unterscheidung Politischer Theologie und Politischer Philosophie. Metzler; Stuttgart; Weimar, 1994.

8. Idem. The Lesson of Carl Schmitt: Four Chapters on the Distinction between Political Theology and Political Philosophy / M. Brainard (Trans.) with a «Preface to the American Edition». Chicago; L.: University of Chicago Press, 1998.

его времени, через действительную вражду, которую они порождают, „продолжает произрастать темный смысл нашей истории“»⁹.

Из такого прочтения Шмитта есть удивительные следствия, в полной мере понятные только в общем контексте шмиттовской апологетики. До Майера апологеты Шмитта прибегали к очень разным аргументам или конструкциям, чтобы «справиться» с его выбором в пользу Гитлера. Шмитт мог оказаться наивным или ошибиться в решении; он мог пытаться сдерживать нацистский режим изнутри; мог сделать такой выбор из оппортунистических соображений или в силу личных амбиций, что (хотя и не вызывает уважения к его характеру) как таковое не дискредитирует его философию. Подобные аргументы малоубедительны с тех пор, как опубликован «Глоссарий» Шмитта, его послевоенные записные книжки и дневники¹⁰. «Глоссарий» сполна продемонстрировал, что долгое время спустя после (по-видимому) самодистанцирования Шмитта от нацистов антисемитизм все еще оставался важным пунктом его взгляда на положение человечества. Более того, как отметил Давид Дизенхауз, сам Гитлер стал еще одним преступлением, в котором Шмитт обвинил евреев, — но из-за необходимости справиться с евреями благонамеренные люди не связали бы свою судьбу с причиной настолько же неадекватной требованиям войны против антихриста, насколько и таковым нацизма¹¹.

Как после публикации «Глоссария» не упираться в антисемитизм при попытке выстраивать привлекательное объяснение мысли Шмитта? Интерпретация Майера, как представляется, позволяет выйти из этого положения. «Политическая теология отстаивает примат действия перед знанием, поскольку она подчиняет всё заповеди повинования»¹². Подлинность чьего-либо ответа на приказ быть послушным не зависит от правильного знания о том, как действовать, а особенно *кто* враг и кто в конкретный исторический момент соответствует задаче противостояния врагу или поддержания вражды между верами, имеющей, согласно майеровскому Шмитту, решающее значение для сохранения действия Божьего промысла на (человеческую) историю. Таким образом, в «Учении Карла Шмитта» Майеру удается говорить об антисемитизме Шмитта в терминах, позволяющих «вопросам, занимающим историков и в особенности направляю-

9. Майер Х. Указ. соч. С. 87.

10. Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. Berlin: Duncker & Humblot, 1991. В русском переводе: Шмитт К. Глоссарий (фрагменты) / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. А. Ф. Филлипова // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1; 2011. Т. 10. № 1–2; 2011. Т. 10. № 3.

11. Dyzenhaus D. Legality and Legitimacy: Carl Schmitt, Hans Kelsen and Herman Heller in Weimar. Oxford: Oxford University Press, 1997.

12. Майер Х. Указ. соч. С. 98.

щим апологетов и обвинителей, исчезать ввиду незначительности»¹³. В этой поздней работе Майера мы видим, как, двигаясь к апологетике по ту сторону вопросов, заботящих и защитников, и обвинителей, он опирается на самого Шмитта, сказавшего о своем выборе нацизма, что «это плохой, недостойный, но все же подлинный пример христианского Эпиметея»¹⁴.

Согласно Майеру, Шмитт действовал в области политической теологии, находящейся по ту сторону вопросов о добре или зле, достойном или недостойном, которые могли бы поставить историки; фундаментален вопрос о подлинности — подлинным ли образом Шмитт подчинялся велениям и вел борьбу с антихристом. Так, победным аккордом майеровской работы «Учение Карла Шмитта» оказывается непоколебимое и совершенно не критическое представление антисемитизма Шмитта без всяких подсластителей или амортизаторов¹⁵. А в самой основе этого представления мы обнаруживаем предположение, что приверженность Шмитта формуле Гитлера «Защищаясь от евреев, я сражаюсь за дело Господа» была «подлинным» актом подчинения приказу (даже если это плохо и недостойно исходя из секулярной, но нерелевантной перспективы историков и обвинителей). Как, совершенно точно передавая смысл и цель «политической теологии», вопрошает Майер: «Может ли действие, желающее быть послушным „истории“, опознать, что кто-либо или что-либо служит „делу Господа“?»

У майеровского понимания «политической теологии», однако, есть следствия, идущие дальше реинтерпретации и реабилитации Шмитта. В самом конце «Учения Карла Шмитта» Майеру не удается устоять перед соблазном вернуться к связи между Штраусом и Шмиттом. Смысл политической теологии таков, полагает Майер, что она находится в вечной оппозиции политической философии (путь, выбранный евреем Штраусом). Между ними не может быть никакого общения или диалога, ведь для политической теологии «божественное откровение» — это «высшая власть и предельное основание». Нет такого действенного нормативного стандарта, на основе которого политический разум мог бы судить мысли и поступки, мотивированные «политической теологией». Это просто два несовместимых и, более того, враждебных подхода к вопросу «Как мне следует жить?»¹⁶. Начав

13. Meier H. The Lesson of Carl Schmitt. P.133.

14. Такое самопонимание было предложено Шмиттом в переписке со своим студентом Армином Мёлером и разработано в комментариях самого Мёлера к этой переписке. См.: Carl Schmitt-Briefwechsel mit einem seiner Schueler / A. Mohler, I. Huhn, P. Tommisen (Eds.). Berlin, 1995. См. также: Gross R. Carl Schmitt und die Juden: Eine Deutsche Rechtlehre. Fr.a.M., 2000.

15. Meier H. The Lesson of Carl Schmitt. Ch. IV.

16. Ibid. P. 173.

свое путешествие к Карлу Шмитту с подчеркивания того общего, что было у Штрауса и Шмитта, и даже предполагая их «дружбу», Майер в заключении указывает на фундаментальную непреодолимую пропасть между ними, «непреодолимую оппозицию»: *Inter auctoritatem et philosophum nihil est medium*. Используя фигуру Штрауса в своих целях, Майер завершает книгу новой иллюстрацией антагонизма «друг–враг» (подлинный христианский политический теолог vs еврейский атеистический философ), которая подводится им под новое доказательство «подлинности» антисемитизма Шмитта. В 1936 году в пользующемся дурной славой тексте «Немецкая правовая наука в борьбе против еврейского духа» Шмитт предупредил о свойстве евреев быть интеллектуальными паразитами, способными быстро опознавать подлинное и ценное и эксплуатировать это: возможно, в отношении Штрауса Майер держал в голове именно эту мысль Шмитта и пытался, так сказать, «перевернуть ситуацию». Чтобы понять, входило ли это в намерения Майера, нам придется вернуться от «Учения Карла Шмитта» к использованию и злоупотреблению Штраусом в ранней работе Майера «Диалог отсутствующих».

ШТРАУС И ШМИТТ: ТОВАРИЩИ ПО ОРУЖИЮ ПРОТИВ ЛИБЕРАЛИЗМА

Главная цель первой части этой книги — показать, что Штраус и Шмитт сообща действуют против либерализма. Более того, утверждает Майер, Штраусу удалось с необычайной ясностью и точностью схватить основное намерение, или стремление, мысли Шмитта и помочь разработать его. Поэтому один из тезисов Майера заключается в том, что изменения, внесенные Шмиттом в текст «Понятия политического» в изданиях, следовавших за тем, что первым комментировал Штраус, отражают влияние наблюдений и критических замечаний последнего. Нас убеждают, что Штраус сподвиг Шмитта сформулировать свой антилиберализм более последовательно, смело и вразумительно, чем было до того.

Первая глава «Диалога» начинается с наблюдения, что «Лео Штраус мало писал о современниках и мало с кем дискутировал. Лишь трем теоретикам он посвятил обстоятельные исследования при их жизни, только с тремя он вступал в публичный разговор или пытался начать таковой: Александр Кожев, Мартин Хайдеггер и Карл Шмитт»¹⁷. Какой вывод следует из этого наблюдения? Начнем с того, что оно неверно. С одной стороны, Штраус обращался к идеям многих своих современников, при-

17. Майер Х. Указ. соч. С. 19.

надлежащих той или иной публичной площадке, включая Якоба Клейна, Ханса-Георга Гадамера, Гершома Шолема, Карла Лёвита, Мартина Бубера, Юлиуса Гутмана и Эрика Фёгелина. Если же брать более широкое понятие «современности», то к списку можно добавить Эдмунда Гуссерля, Германа Когена и Франца Розенцвейга (хотя они и значительно старше), присутствовавшими в интеллектуальном поле во времена Штрауса.

С другой стороны, Штраус никогда не посвящал подробных исследований ни Кожеву, ни Хайдеггеру, ни Шмитту. В случае Кожева он вступал в публичную коммуникацию, но «обстоятельного исследования» не было — была лишь реакция на отклик Кожева на его эссе «О тирании», посвященное Ксенофону. Что касается Хайдеггера, то Штраус был взволнован и пленен его учением (и упоминал это в нескольких работах), но никогда не посвящал ему исследования: отредактированная версия лекции о Хайдеггере, прочитанной им студентам, была опубликована посмертно, но не являлась «обстоятельным исследованием» и не предназначалась Штраусом к публикации. Что же относительно Шмитта, то, хотя (что я среди прочих утверждал) Штраус в своем позднем творчестве косвенно и обращался к некоторым его тезисам, нет никакого посвященного Шмитту исследования, кроме нескольких написанных в 1932 году страниц. Майер неоднократно заявляет, что между ними есть «диалог», но отправленные Штраусом Шмитту три письма (последнее датировано июлем 1932 года, когда Штраус явно еще не знал о присоединении Шмитта к нацистам) остались без ответа. Лишь одно из этих писем имеет сколько-нибудь существенное интеллектуальное содержание, а именно запоздалые мысли Штрауса по поводу работы «Понятие политического».

Зачем было Майеру использовать неточные утверждения об отношениях Штрауса к идеям современников? К моменту по меньшей мере английской публикации «Диалога» Майер и его жена уже работали над немецким изданием избранных работ Штрауса, потому Майер наверняка знал о неточности своего заключения. Какими были мотивы Майера в момент ложного выделения среди современников Штрауса Хайдеггера, Шмитта и Кожева? Хайдеггер, как и Шмитт, стал нацистом, а Кожев после войны поддерживал своего рода дружбу с последним. Таким образом, по версии Майера, круг современников, к которым Штраус относился достаточно серьезно, чтобы высказываться о них публично, состоял из двух экс-нацистов и экс-сталиниста, сошедшего с одним из экс-нацистов. Более того, начав с этого утверждения, Майер заканчивает «Диалог» мыслью, что выбор Штраусом друзей что-то сообщает о его личности. По мнению Майера, ему не нравилось самоопределять-

ся через противостояние врагу. Но *такой* выбор (философских) друзей позволяет Штраусу обнажить сокровенное (вопреки его собственной скрытности) — общего врага, коим оказывается либерализм. Ведь разве размышления Штрауса, Шмитта и Хайдеггера не обнаруживают их общее отвращение к либерализму или, точнее, если использовать майеровскую фразу из предисловия к английскому изданию «Учения Карла Шмитта», «к глобальному триумфу союза либерализма и капитализма»?¹⁸

Утверждение Майера о том, что между Шмиттом и Штраусом был «диалог», сводится к следующему: по его мнению, чтение короткого эссе Штрауса о «Понятии политического» помогло Шмитту усилить некоторые аспекты своей критики либерализма. Штраус прокомментировал второе издание «Понятия политического»: согласно Майеру, изменения, внесенные Шмиттом при публикации третьего издания в 1933 году, демонстрируют влияние Штрауса.

Во-первых, указывает Майер, в замечаниях к «Понятию политического» Штраус показал, что защита Шмиттом политического от либерализма осталась в рамках предпосылок самого либерализма. Шмитт стремился защитить политическое как особую и самостоятельную человеческую область от попыток либерализма свести его к другим аспектам, в первую очередь экономическим. Однако, делая так, Шмитт демонстрировал типично либеральный образ мысли, разделяющий человеческое существование на два разных культурных мира и тем самым отрицающий или подавляющий иерархическую сущность людского порядка. Действенной защитой политического был бы отказ от такого понимания, поскольку ограничивать политическое одним, особым или независимым, миром «культуры» — значит предавать его и одобрять по меньшей мере значительную часть либерального вытеснения политического. Взамен оно должно быть переутверждено как тотальное, фундаментальное и потенциально определяющее все остальное в человеческой ситуации.

Во-вторых, Майер указывает, что шмиттовское понимание политического как всего лишь независимой, самостоятельной сферы человеческой деятельности в ранних изданиях «Понятия политического» обладало тем недостатком, что ограничивало антагонизм «друг-враг» областью внешней политики и войны между народами¹⁹. Но коль скоро политическое понято как фундаментальное, отношения внутри государства также должны быть

18. Там же. P. xviii. Здесь, конечно, Майер сталкивается с трудностью, так как Кожев, хотя и будучи в каком-то смысле антилибералом, на деле одобрял мировое государство и, следовательно, не разделял антикосмополитизм, приписываемый Майером Штраусу и Шмитту.

19. Майер Х. Указ. соч. С. 30.

определены фундаментальным понятием вражды, смертельного конфликта с врагом. Так, в поздних версиях «Понятия политического» Шмитт говорил уже о «внутреннем враге» и в конечном счете о «враге естественном», противостоящем «чему бы то ни было, связанному с Богом».

В-третьих, Штраус помог Шмитту понять, что Гоббс, будучи далек от философии тотального государства, фактически работал в рамках индивидуалистических предпосылок либерализма. Хотя во втором издании «Понятия политического» Шмитт в определенной степени уже дистанцировался от Гоббса, последовавшее за «Замечаниями» Штрауса издание содержало в предисловии правки, приписываемые Майером влиянию Штрауса. В них Шмитт признавал, что Гоббс не является политическим мыслителем (в шмиттовском смысле) из-за своего индивидуализма, даже если сам он, несмотря на это, способен задавать политические вопросы.

В-четвертых, согласно Майеру, в этом же издании Шмитт учитывает предполагаемую критику Штраусом «философии культуры». «Культура» представляет собой «идеал цивилизации» для либералов — «возвышение буржуазного существования до универсальной судьбы всего, обладающего человеческим лицом», согласно майеровской фразеологии²⁰.

Наконец, Майер предполагает, что критика Штрауса вынудила Шмитта открыть укорененность в вере или теологический характер своей мысли. Штраус доказывал, что, скрывая моральное содержание за утверждением политического, Шмитт рискует скатиться к подобию индивидуализма, ненавидимого им в либерализме, — если борьбе придается ценность независимо от того, за что борются, то выбор обязательств становится делом индивидуального, частного решения. Чтобы преодолеть это затруднение, считает Майер, Шмитт в издании 1933 года более детально осветил «теологические предпосылки» своей мысли.

Были ли эти изменения в «Понятии политического» следствием чтения «Замечаний» Штрауса? И если да, то почему это важно?

На первый вопрос невозможно дать достоверный ответ. Майер прилагает значительные интеллектуальные усилия для демонстрации связи. Однако невозможно доказать или опровергнуть, привело ли к такой правке именно чтение Штрауса, а не иные факторы и влияния. Майер ссылается на письмо Шмитта доктору Людвигу Фейхтванглеру в июне 1932 года, в котором Шмитт положительно отзывался о «Замечаниях» Штрауса как о единственной интересной рецензии «Понятия политического». В предисловии к американскому изданию «Диалога» Майер также ссылается на слух, что Гюнтеру Крауссу, бывшему докторантом Шмитта в Берлине, тот якобы ска-

20. Meier H. The Lesson of Carl Schmitt. P. 38.

зал, что «[Штраус] как никто другой увидел меня насквозь и проник в самую суть мысли, будто рентгеновскими лучами»²¹.

Если верить этому письму (по информации Майера, находящемуся в руках профессора Хельмута Кваритча) и апокрифической истории доктора Краусса, Штраус был для Шмитта тем, кто был способен проникнуть в суть его мысли. Действительно, есть причины верить, что Шмитт мог чувствовать себя увиденным Штраусом насквозь. Стоит вспомнить, что в своей брошюре 1936 года «Немецкая правовая наука в борьбе против еврейского духа» Шмитт предупреждал об «отношении евреев к нашей интеллектуальной работе». По его мнению, «благодаря таланту торговли у еврея наметан глаз на подлинное». Далее он апеллирует к «еврейской способности, торгуя искусством, узнавать подлинного Рембрандта быстрее немецкого историка искусства». Едва ли тогда удивительно ощущение Шмитта, что еврей Штраус проник в сердце его мысли, чего не удалось критикам первой, или ранней, волны рецензентов. Шмитт вполне мог представлять Штрауса «просвечивающим» его, подобно тому как, в его представлении, еврейский торговец искусством мог просвечивать полотно, чтобы определить его подлинность.

Как видно, приписываемые Майером Шмитту высказывания о понимании Штраусом его работы полностью соответствуют шмиттовскому антисемитскому пониманию «отношения евреев к нашей интеллектуальной работе». Но одно дело установить, что Шмитт признавал проницательность Штрауса в понимании его мысли, другое — приписывать различие между вторым и третьим изданиями «Понятия политического» влиянию Штрауса.

В эссе, посвященном мысли Шмитта (на мой взгляд, одном из лучших)²², Карл Лёвит предлагает интерпретацию этих изменений, не имеющую никакого отношения к влиянию Лео Штрауса. Лёвит понимает эти изменения в контексте *перехода на сторону господствующей идеологии (Gleichschaltung)*: Шмитт наконец решил связать свою судьбу с нацистами и, в соответствии с тем, что Лёвит называет «ситуативным децизионизмом» Шмитта, адаптировал свою работу к политическим требованиям исторического момента²³.

Майер отклоняет альтернативную своей интерпретацию Лёвита голым заявлением, что он «существенно ошибается»²⁴. Затем он добавляет к этому безоговорочному заявлению более конкретное — мол, третья правка между изданиями, на которую ссылается

21. *Idem.* Carl Schmitt and Leo Strauss. P. xvii.

22. Loewith K. The Occasional Decisionism of Carl Schmitt // Martin Heidegger and European Nihilism / R. Wolin (Ed.). NY: Columbia University Press, 1995.

23. *Ibid.* P. 155.

24. Майер Х. Указ. соч. С. 15. Стр. 6.

ется Лёвит, не может быть объяснена адаптацией Шмиттом идей под влиянием сильнейшего давления исторической ситуации. Во втором издании Шмитт утверждает, что война как реальная возможность все еще присутствует «сегодня», в то же время допуская, что из-за либерализма война «сегодня... наверное, не является ни чем-то благочестивым, ни чем-то морально добрым, ни чем-то рентабельным»²⁵. Штраус доказывал, что при таком допущении Шмитт не мог убедительно указывать на продолжающуюся возможность войны «сегодня» как свидетельство того, что деполитизированное состояние человечества еще не наступило.

В третьем издании «Понятия политического» (1933) Шмитт заменил слово «сегодня» выражением «в эпоху, скрывающую свои метафизические оппозиции в терминах морали или экономики». Майер интерпретирует эту правку как ответ Штраусу таким образом: Шмитт теперь утверждает, что в той мере, в какой метафизические оппозиции могут быть завуалированы, но не уничтожены или преодолены, война *всегда* возможна. Лёвит же считает, что эта правка противоречит политическому децизионизму Шмитта, подчиняющему, как он считает, власти политического все категории и оппозиции, включая метафизические и теологические. Согласно Майеру, Лёвит обнаруживает здесь противоречие, поскольку не знает о «диалоге» Шмитта со Штраусом. Майер предполагает, что, дабы понять, как читал Штраус, Шмитт искал в тексте решающую строчку или слово²⁶. Лёвиту, заключает он, этот факт был неизвестен.

Проблема здесь в том, что Лёвит в своем эссе о децизионизме Шмитта²⁷ цитирует «Замечания» Штрауса дважды; он был знаком с ранней работой Штрауса «Философия и закон» (*Philosophie und Gesetz*), посвященной средневековым евреям и исламской правовой теории, и, следовательно, был хорошо осведомлен о манере чтения Штрауса. Потому нет оснований считать, что предложенное Лёвитом альтернативное объяснение изменений в третьем издании «Понятия политического» может быть объяснено незнанием со Штраусом.

Кроме того, при внимательном чтении нет никакого неизбежного противоречия между, с одной стороны, замечанием Лёвита

25. См.: Шмитт К. Понятие политического.

26. Майер Х. Указ. соч. С. 76–77. Сн. 64.

27. Как отмечает в предисловии ко второму тому избранных работ Штрауса сам Майер, «Философия и закон» была опубликована примерно в то же время, что первое переиздание эссе Лёвита о децизионизме Шмитта (весна 1935 года). В 1960 году Лёвит переиздал это эссе с некоторыми изменениями, к этому времени он уже несколько десятилетий был знаком с мыслью Штрауса, его манерами чтения и письма. См. перевод статьи Карла Лёвита «Политический децизионизм» в настоящем номере «Логоса».

о напряжении между децизионизмом Шмитта и ссылкой на метафизические оппозиции в третьем издании и, с другой стороны, лёвитовской исчерпывающей интерпретацией поправок как обусловленных мотивами или стремлениями Шмитта. Таким образом, если сосредоточиться на том факте, что Шмитт удалил критическое по отношению к оправдываемому понятию войны «сегодня» утверждение, то его мотивацию легко понять в терминах *Gleichschaltung*. Как юридический советник Третьего рейха, Шмитт вполне мог оказаться вынужденным обосновывать войну «сегодня». Более того, замеченный Лёвитом факт, что, удаляя ссылки на «сегодня», Шмитт использовал язык, противоречивший его пониманию политического как автономного и превосходящего все оппозиции, — этот факт полностью согласуется с вероятностью того, что в 1933 году Шмитта заботила вовсе не теоретическая согласованность, а простая гарантия того, что его прошлые высказывания не станут препятствием для политической карьеры в Третьем рейхе²⁸.

В итоге внимательный разбор комментариев Лёвита к правке между вторым и третьим изданиями «Понятия политического» *вопреки* Майеру обнаруживает последовательное объяснение этой правки в терминах политического оппортунизма самого Шмитта. Это объяснение крайне пронизательного свидетеля событий политической и философской сцен Германии, довольно неплохо знакомого со Штраусом и его мнениями о Шмитте, чтобы распознать какие бы то ни было связи между этими взглядами и изменениями в «Понятии политического».

Наперекор обоим объяснениям правки (*Gleichschaltung* Лёвита или «диалог» у Майера) идет ошеломляющее признание Майера (пусть и данное в сноске), что, когда в 1963 году Шмитт переиздавал «Понятие политического», оно было опубликовано во втором издании, а третье (1933) не упоминалось²⁹. Разве это не говорит о том, что сам Шмитт считал наиболее адекватным выражением своей позиции издание, напечатанное до того, как состоялось нечто, именуемое Майером «диалогом» со Штраусом?

Будучи вынужден объяснять, почему Шмитт переиздал предпоследнюю, «худшую» версию работы, притом что была доступна «более качественная» последняя, Майер сообщает (фактически вторя Лёвиту), что текст 1933 года содержит «соответствующие времени» изменения. Некоторые из них связаны с антисемитизмом и близки к нацизму, и было бы, предполагает Майер, ос-

28. О том, к какой карьере и насколько тщательно готовился Шмитт, см.: Blasius D. Carl Schmitt: Preussischer Staatsrat in Hitlers Reich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001.

29. Майер Х. Указ. соч. С. 13–15. Сн. 5.

корбительно публиковать текст 1933 года в 1963-м; текст оказался бы, как выражается Майер, «политически уязвим»³⁰. Бедный Карл Шмитт! Из-за распространенной в 1960-е раздражительности по поводу вещей вроде нацизма и антисемитизма он был вынужден (если верить Майеру) опубликовать предпоследнюю и, более того, вводящую в заблуждение версию формулировки своих взглядов на политическое. Естественно, Майер и не допускает мысли, что в противовес его тезису о «политической уязвимости» антисемитизм и близость нацизму в издании 1933 года сами дают в 1963 году неверное или обманчивое представление о намерениях Шмитта.

Теперь, когда Майер вынужден признать, что между версиями 1932 и 1933 годов есть различия, объяснимые «ситуацией», его аргументация против Лёвита сводится к утверждению, что, хотя Шмитт и сделал третье издание «Понятия политического», чтобы потрафить нацистам, одновременно он воспользовался случаем и вступил в диалог с евреем Штраусом. Точнее (ведь нам не следует попадать в ловушку, просто принимая повторяющиеся утверждения Майера о диалоге), прояснил свою теоретическую позицию в ответ на комментарии Штрауса. Майер замечательным образом умалчивает о связи, не говоря уже о согласованности, между двумя этими намерениями.

Это приводит нас к вопросу о том, почему для Майера *так важно*, что Штраус мог повлиять на некоторые изменения в тексте 1933 года. В чем здесь мог быть заинтересован Майер? Пытается ли он ввести Штрауса в состав *юденрата*, настаивая, что на самом деле он *поддерживал* Шмитта в том, чтобы представить его мысль наиболее близкой нацистской? Возьмем лишь один из пунктов, по которым, как настаивает Майер, Штраус помог Шмитту развить и прояснить его позицию: по Майеру, он помог ему увидеть одно из следствий своего понимания политического — что оппозиция «друг–враг» пронизывает отношения внутри государства и не является целиком или преимущественно делом внешней политики. Будь это так, Штраус на деле способствовал бы выражению Шмиттом позиции, выходящей за рамки консервативного немецкого *национализма* в сторону одержимости *внутренним* врагом как главным, то есть евреями. Тогда можно сказать, что историческая ситуация в 1932–1933 годах позволила Шмитту в своих интересах воспользоваться тем, что в 1936 году он опознает как особую силу и опасность евреев в не-

30. Заметьте, однако, что Майер не говорит «морально уязвим»; в продолжение всего «Диалога» он остается верен позиции, что шмиттовский антисемитизм, будучи ответом на зов веры, остается «по ту сторону добра и зла», моральных оценок и критики.

мецкой интеллектуальной жизни (в данном случае еврея Штрауса) — способность быстрее проникать в суть вещей, — чтобы подкрепить отождествление евреев с *врагом*.

Вероятность высказываемой здесь Майером мысли — что Шмитт понял, как можно использовать еврея против него самого, — не противоречит действительному поведению Шмитта. Например, Дизенхауз отмечает, что «Шмитт помог вытеснить с юридического факультета в Кёльне Кельзена, еврейского либерального теоретика (вскоре после того, как сам Кельзен лично содействовал назначению туда Шмитта)»³¹. Это позволяет примирить акцент на общем между Шмиттом и Штраусом (их *дружба* против общего врага «либерализма») с майеровским настолько же, если не более, настойчивым заявлением о непреодолимой «опозиции», или *вражде*, между политической теологией и политической философией³².

Как уже отмечалось, «дружба» состоит в объединении против общего врага — либерализма, или «глобального союза капитализма и либерализма». Согласно Майеру, «Лео Штраус солидарен с Карлом Шмиттом в отвержении всемирного государ-

31. См.: *Dyzenhaus D. Op. cit.*

32. Дизенхауз приводит наблюдение, связанное с взглядом Шмитта на возможность «общего основания» с врагом: «Шмитт оставляет свою наиболее злобную антисемитскую обличительную речь для Фридриха Юлиуса Штала, бывшего еврейского специалиста по конституционному праву и политика, сыгравшего решающую контрреволюционную роль в прусской политике середины XIX века. В этом эссе, а также в работе «Значение и ошибка» Шмитт кажется более всего взбешен тем фактом, что у них со Шталем много общего во взглядах, так как он довольно таинственно вменял Шталю как «внутреннему политическому врагу» ответственность за разрушение прусского государства изнутри и, таким образом, еще и за поражение Германии в Первой мировой войне. Шталь, по его словам, использовал таинство как входной билет не только в общество, но также и в «святая святых все еще крепкого немецкого государства», которое он затем «подрывал идеологически и парализовывал духовно». Это обвинение отражает шмиттовское понимание сущности еврея как врага — еврей готов скрываться под масками, подрывать изнутри и разрушать основания снаружи. Следовательно, еврея нельзя победить старым благородным способом — в честной битве лицом к лицу без масок. Можно было бы сказать, что Шмитт «перенял опыт» у Штала. Чтобы подорвать верховенство закона и ослабить немецкую традицию конституционного и публичного права и тем самым расчистить место для единовластия, Шмитт действовал как юрист и специалист по конституционному праву. Антиномичному учению его политической «теологии» предшествует и его сопровождает осторожное и проницательное представление противоречий внутри конституционализма, особенно в его либеральном варианте. Шмитт достиг подлинного понимания проблематичного и сложного отношения либерального конституционализма и либерализма как такового к идее «государства». Поэтому его стоит изучать даже тем, кто справедливо чувствует отвращение к целям, на службу которым Шмитт поставил это понимание».

ства, в отказе от иллюзорной безопасности *status quo* комфорта и удовольствия, в пренебрежении миром простых развлечений и занимательности. Он не уступает Шмитту в своем отрицании идеала, который, если его когда-нибудь осуществить, угрожает редуцировать человечество к товариществу культуры и потребления. <...> Он согласен со шмиттовской критикой стремления к пониманию и миру любой ценой»³³.

В ряде существенных аспектов это представление позиции Штрауса по поводу либерального космополитизма вводит в заблуждение. Прежде всего Майер представляет озабоченность Штрауса как *Kulturkritik*. Однако, несмотря на то что, начиная с ранних работ, Штраус часто обсуждает растущие сомнения мыслящих людей по поводу желательности или достоинства того типа цивилизации, что предполагает философское Новое время (и следовательно, присущий мышлению космополитизма идеал), в первую очередь он озабочен *кризисом мысли*, спровоцированным явным провалом современного идеала. Указывает ли этот кризис на провал, или бессилие, философии? Или провал исключительно Нового времени? Если существование последнего зависит от своего рода цивилизационных последствий, порожденных его предпосылками и гипотезами, то касается ли это философии как таковой? Для ответа на этот вопрос Штраус ищет горизонт вне либерализма — не против него (что предлагает, например, радикально настроенный против либерализма Холмс), а скорее как перспективу или выгодную позицию, позволяющую беспристрастно судить о явной неудаче нововременного проекта, представленного идеалом либерализма. Согласно Штраусу, эта неудача современного мышления как цивилизационного проекта инициировала более сильную критику и более непримиримое вопрошание, чем когда-либо в прошлом, самого идеала философии — рационализма. Поэтому, когда его спросили, в какой эре он хотел бы жить, будь у него выбор, Штраус без колебаний ответил, что жил бы сегодня, в XX веке. Принуждая философию дать себе более, чем то было в прошлом, адекватное или полное самообъяснение, кризис Нового времени предоставляет мысли великую и беспрецедентную возможность. Таким образом, Майер ошибается, приписывая позиции Штрауса по отношению к Новому времени осуждение, порицание или пренебрежение.

Был ли тогда отказ Штрауса от «мирового государства» отказом от космополитизма? Одно из возражений против «мирового государства», выдвинутых Штраусом в его ответе Кожеву (и Майер его цитирует), заключалось в том, что централизованное управление всем миром может быть достигнуто только сред-

33. Майер Х. Указ. соч. С. 53–54.

ствами тирании или абсолютизма³⁴. В сущности, Штраус делит это возражение с (прото)либералом Кантом³⁵. Здесь нет ничего общего с защищающим абсолютизм Шмиттом.

В том же, что касается космополитизма как такового, суждения Штрауса сложны и изощренны. Космополитизм не просто ошибается, пытаясь найти универсальное основание в человечестве, преодолевающим различия культур, наций, рас и т. д., даже если современный *политический* космополитизм пытается найти общее основание в наименьшем общем знаменателе. То есть, в противовес Шмитту, Штраус не утверждает, что космополитизм как таковой указывает на редукцию «человечества к товариществу культуры и потребления». В эссе о Курте Рицлере он подчеркивает, что предпочтение Рицлером национализма космополитизму, основанное на «его опыте негодности действительного космополитизма», ничего не говорит об «идеале космополитизма»³⁶. Более того, предполагает Штраус, высокая оценка Рицлером (в противовес Шмитту, скажет кто-то) «подлинного космополитизма» — поиска истины, объединяющей индивидов, даже если она не объединяет нации или граждан, — позволила ему, Рицлеру, осознать «катастрофическую пустоту», к которой идет национализм, когда становится воинственным и экспансионистским. Так, Рицлер предостерегал от ввязывания Германии в Первую мировую войну. Для Штрауса вооруженное противостояние наций такое же искажение наивысшего в человечестве, как и «товарищество культуры и потребления», даже если вооруженное противостояние — это реальность, которую нужно принимать в расчет при любом трезвом диагнозе политики в наши дни, то есть то, от чего не могут и не должны отмахиваться борцы за мир.

Это помогает нам понять производимое Майером искажение идей Штрауса, когда он предполагает, что тот выступает заодно со Шмиттом против мира или согласия «любой ценой». Во-первых, отвергать мир или согласие любой ценой — это одно, и совсем иное — рассматривать вражду и потенциально вооруженное противостояние как нормальное и желаемое состояние человечества. Во-вторых, цитируемые Майером пассажи из «Замечаний» Штрауса к «Понятию политического» находятся в параграфе, в самом начале которого Штраус заявляет, что намеревается

34. См.: On Tyranny / L. Strauss, V. Gourevitch, Roth, S. Michael (Eds.). NY: The Free Press, 1991. О дискуссии см.: Howse R., Frost B.-P. Introductory Essay // *Howse R., Frost B.-P. Outline of a Phenomenology of Right* / B.-P. Frost, R. Howse (Trans.). Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2000.

35. См. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собр. соч.: В 2 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7.

36. Strauss L. Kurt Riezler 1882–1955 // *What is Political Philosophy?* NY: Free Press, 1959.

не разворачивать собственную позицию, а скорее «более подробно рассмотреть шмиттовскую характеристику Нового времени как эпохи деполитизации»³⁷. Легко представить дело так, будто Штраус соглашается со Шмиттом, если при этом цитировать пересказ первым последнего так, будто это вовсе не пересказ, а высказывание Штраусом собственных взглядов!

Завершив пересказ позиции *Шмитта* по поводу превосходства конфликта над согласием, он переходит к критике этой позиции³⁸. В частности, отмечает Штраус, позиция Шмитта сводится к толерантности по отношению к любому убеждению, склонному к поддержанию войны или конфликта, — нечто зеркально противоположное либеральной толерантности ко всякому убеждению, совместимому с миром и законным порядком, но столь же пустое, столь же «нейтрализующее».

Наконец, не менее искажающим является майеровское заявление, что Штраус отказывается от «иллюзорной безопасности *status quo* комфорта и удовольствия в пренебрежении миром простых развлечений и занимательности». Штраус последовательно отвергает образ мысли, считающий комфорт и покой противоречащими глубине и величию. В частности, он отвергает атеизм, основанный на (секуляризованной христианской) добросовестности, отказывающейся от веры в Бога потому, что она удобна или обеспечивает «иллюзорную безопасность»³⁹. Выступая против экзистенциалистов, он ставит под вопрос отождествление ужаса, беспокойности и волнения с человеческой серьезностью и *философской* непримиримостью. Он предпочитает вкус и чувствительность Джейн Остин и Достоевского. И, оказываясь, поддерживает античную позицию, согласно которой город в мире или покое естественнее и благоприятнее для человеческого совершенствования, нежели город, охваченный войной.

В итоге все приводимые Майером пункты согласия между Шмиттом и Штраусом оказываются призрачными. Под этими мнениями Шмитта Штраус бы не подписался.

Разберем теперь то, что Майер описывает как «непреодолимую оппозицию» между мыслью Штрауса и мыслью Шмитта. Эта оппозиция определяется им как противостояние между политической теологией (Шмитт) и политической философией (Штраус). Шмиттовское возражение против либерального Нового времени основано на его вере в Бога и убежденности в том,

что «фактически господствует *антихрист*»⁴⁰ через нейтрализацию и деполитизацию текущей эпохи. Антихрист движется к торжеству, убеждая людей в том, что «им более не нужно выбирать между Христом и антихристом»⁴¹. Так, он оказывается либералом, стремящимся склонить людей оставить оппозицию «друг–враг», являющуюся залогом жизни политического.

Как только становится ясно, что в центре мысли Шмитта лежит вера, она становится недоступной для критики Штрауса, считает Майер. Вернее, недоступной для любой критики, поскольку принадлежит области дискуссии, миру либералов и философов. На самом деле переход к вере как основанию политической теологии устраняет даже вопрос о том, *действительно* ли Шмитт отвечал на зов Бога. Так, Лёвит и другие могут интерпретировать шмиттовскую «политическую теологию» как секуляризацию христианских категорий в рамках политического нигилизма, но такая интерпретация оказывается внешней. По Майеру, «политический теолог целиком находится на своей территории. Следует ли предположить, что решение, рожденное послушанием вере в высшую инстанцию власти, не может в конечном счете быть отличено от решения, основанного на приверженности ничто? В случае Карла Шмитта все зависит от ответа на этот вопрос. «Поскольку его политическая теология водружена на острие веры, то все зависит от *добросовестности*»⁴². Иными словами, делать ставку на утверждения, основанные на вере, — значит делать ставку на компетентность, которая не может быть оспорена или поставлена под вопрос. Быть в своем решении честным перед самим собой — дело одного лишь верующего. Нет внешнего критерия для проверки подлинного источника решения, укорененного в вере.

Согласно Майеру, критика понятия политического, которую может позволить Штраусу его опора на философский рационализм, показывает (самому Шмитту или по крайней мере нам), почему политическое требует Бога. Политическое, полагает Шмитт, должно быть выше моральных или правовых оценок и ограничений. Однако Штраус проницательно заметил, что аргумент Шмитта *в пользу* политического неизбежно является моральным. Даже если и завуалированно, это аргумент в пользу понятия человеческой серьезности или правильного для человека образа жизни. По Штраусу, политическое само не может поддерживать, даже на условиях Шмитта, автономность от морали, как он того хочет.

Вера в Бога обеспечивает основание для различия друг–враг, оберегающего автономию или превосходство политического

37. Штраус Л. Замечания к «Понятию политического» Карла Шмитта // Майер Х. Указ. соч. С. 135.

38. Там же. С. 138–140.

39. См. предисловие в: Strauss L. Spinoza's Critique of Religion / E. M. Sinclair (Trans.). NY: Schocken Books, 1965.

40. Майер Х. Указ. соч. С. 62.

41. Там же.

42. Майер Х. Указ. соч. С. 99. Сноска опущена.

по крайней мере относительно морали и права; вера учит о противостоянии Бога и антихриста, но предоставляет верующим *полную свободу* решать, когда и в каком облике явится антихрист и как действительно против него бороться. Таким образом, подчеркивает Майер, Шмитт связывает «политическую теологию» не с независимым обоснованием политических решений религиозными истинами, а скорее с зависимостью политического от Бога в совсем другом смысле. «Политика нуждается в теологии»⁴³. Другими словами, теология является служанкой политики, гарантом самостоятельности и превосходства (и прочности) политического.

Но какое отношение эта теология имеет к библейскому Богу? Является ли главной задачей Библии обеспечение политики или же политической элиты, автономной или стоящей выше любых моральных оценок и ограничений? Действительно ли Бог Библии оставляет человека без указаний по поводу содержания его «решения» и действий в настоящем? По крайней мере приводимые Майером немногочисленные избранные цитаты из христианских библейских источников не могут решить эту проблему в пользу Шмитта⁴⁴. Пока что мы просто выскажемся или предположим, что «политический» образ библейского Бога, на котором основана «политическая теология» Шмитта, — это не что иное, как абсолютно нововременной образ, зависящий при первом рассмотрении от библейской критики Макиавелли и отчасти Спинозы — той самой библейской критики, что питает многообразные современные философские либерализмы, ненавидимые Шмиттом. обстоятельный разбор шмиттовской «теологии» утвердил и усилил бы штраусовскую фундаментальную критику (а не противоречил бы ей, как мог предположить Майер). То есть в своей (скрытой) зависимости от нововременной точки зрения на библейского Бога (как Бога, не направляющего действия человека, но бросающего его в Историю и освобождающего политику от морали) то, что Майер именует «теологией» Шмитта, еще раз демонстрирует степень, в какой последний захвачен горизонтом либерализма.

Перевод с английского Александра Писарева

43. Там же. С. 68.

44. Следует отметить, что для создания Бога, служащего политическому, Шмитт был вынужден вступить в борьбу с настоящими теологами церкви, чей Бог, что неудивительно, снабдил человека через откровение моральным и правовым руководством и наставлением. См.: *Gross R. Carl Schmitt und die Juden*. P. 374ff. См. также мое обсуждение книги Шмитта «Политическая теология» в: *Howse R. From Legitimacy to Dictatorship*.